

Хлобыстина М.Д.

РИТУАЛ «ЧЕРЕПА И ГОЛОВЫ» В КУЛЬТУРАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА

Hlobystina M.D. The "Skull and head" ritual in the cultures of the North Eurasia in the early Holocene.

The archaic "skull and head" ritual in the archaeological aspect was not subjected to a special interpretation, though its ethnographic analogue has a wide range of investigations, connected both with the ancient ritual of fertility and with a later ritual of a "thrown-down enemy". From the point of view of the archaeological classification one can single out two types of objects, comparable with the "Skull and head" ritual: the interment of an isolated skull and the interment of a beheaded skeleton, recorded already in the Upper Palaeolithic of the North Europe (the site of Sungiri).

To the monuments of the first type can be referred the burial of a young woman skull at the site of Modlona (Cargopolie), stuck on the pivot of one of the scaffolds of the pile-dwellings of Neolithic fishermen; the burial of an adult skull, surrounded by blades, in the grave by the village of Podostrojnoie (Angara river); the burial of the skull in the cist grave on the Andronov cemetery Dry Lake (Enisei).

It is supposed that the act of burying of an isolated skull was connected with the posthumous sacralization of the individual whose beheaded skeleton could be subjected to the religious cannibalism.

The burials of the second type are very revealing: from the early Neolithic pair complex of different sex of the cemetery of Tsiklodrom (Baikal region) and the Neolithic burial of Vovnighi I (Ukraine). The possibility that in this case there takes place the burial of an isolated beheaded skeleton and the skull is left for further religious acts.

It is mostly the female sex of the burials of the first type that attracts attention as opposed to the male burials of the second type. Together with this, the complexes of the first type are the most archaic, being connected with the acts of cannibalism, appeared on the base of the "social" cannibalism.

Фиксируемый современной этнологией культ «черепа и головы» представлен семантически вариативной системой мифо-фольклорных образов и обрядово-ритуальных норм, отразивших специфику воззрений аборигенных этносов, генетически восходящих к первобытной архаике (Мифы народов мира ... 1987; 1988; Токарев 1986). Равным образом, культ «черепа и головы» имеет широкий спектр археологических характеристик в качестве своеобразного ритуала парциального погребения в культурах обширного стадийного и территориально-хронологического диапазона. Так, еще в среднем палеолите Евразии практиковались погребения черепов и голов (реже — инсталляции типа Монте Чирчео I), а также посткраниальных скелетов, причем, выделяется особая «детская серия» захоронений (Смирнов 1991: 51,53). Далее, в позднем палеолите Европы погребения (инсталляции) черепов и голов представлены объектами на поселенческих памятниках, причем, выделяется «женская серия» захоронений; известны и погребения посткраниумов (La Prehistoire ... 1976; Бадер 1967; 1973). Наконец, обращаясь от культурно-исторической ретроспекции к предмету нашего рассмотрения, парциальным погребениям Восточной Европы и Сибири эпо-

хи раннего голоцена, выделим памятники двух видов: I — погребение (инсталляция) черепа (головы) и II — погребение посткраниального костяка (обезглавленного торса). Рассмотрим показательные примеры парциальных комплексов в соответствии с предложенной классификацией.

Среди погребальных комплексов I вида, представленных захоронением одиночного черепа, одним из наиболее культурно-стадийно-архаичных (еще плейстоценовых) погребений является Сунгирь 5 — череп женщины (?) (антропология Г.Ф.Дебеца, М.М.Герасимовой) с верхнепалеолитической стоянки Сунгирь (Владимирская обл., бассейн р.Клязьмы, 25500 ± 200 — 24430 ± 400 лет от наших дней (Бадер 1978;1984: 6,9; Герасимов 1984: 140,141). Отсеченная голова, освобожденная от мягких покровов (следы надрезов на черепе, по М.М.Герасимову) и, очевидно, достигшая кондиции черепа вне захоронения, была, наконец, помещена рядом с крупным валуном на слой охры, оформлявшей верхний ярус могилы N1. В основании комплекса погребен мужчина 55-56 лет (по Г.Ф.Дебецу), с инвентарем и украшениями (Палеолит СССР 1984: 233,234; Бадер 1967: 151,152; рис. 3). Обрядово-ритуальная характеристика парциального погребения Сунгирь 5

связана со структурной трактовкой двойного, разнополого (?), одноактного, ярусного комплекса N1-5 могилы N1 в целом. Так, в функциональном аспекте, перед нами погребальный объект, очевидно, ритуально маркирующий конец обитания жилища N2 стоянки, что, по-видимому, связано с гибелью ведущего члена коллектива — мужчины — доминанта, посмертно сопровождаемого своеобразным, парциальным погребением индивида второстепенного статуса (Бадер 1984: 8,9; Хлобыстина 1993: 18). Далее, в социальном аспекте, мы видим двойной разнополой комплекс, где прижизненный статус умерших индивидов может иметь два варианта интерпретации: во-первых могла иметь место предковая двухпоколенная связь, во-вторых — брачная зависимость (Бадер 1984: 8). Как можно заметить, названные социально-семейные структуры предполагают существование в коллективе отношений в рамках матригенного линджа и нуклеарной семейной ячейки, что, равным образом, социологически реалистично. Наконец, в культурном аспекте, череп (голова) женщины (?) мог выполнять роль сакрального объекта, возможно, причастного к кругу мифологических представлений, связанных с идеей поддержания жизненного цикла в рамках репродуцирующих культов плодородия (Алехин 1993: 7).

Далее, для развитого (позднего) неолита отметим комплекс парциальных погребений I вида, представленный захоронениями черепов (голов) в могиле «А» и ее окружении днепродонецкого Никольского могильника (Украина, Днепропетровская обл., днепродонецкая культурно-историческая общность кон. V — 1-я половина IV тыс. до н.э.) (Телегин 1991: 51,52,54,55; рис. 20). Округлая грунтовая могильная яма «А» (Д до 2 м) содержала в верхнем контексте череп взрослого субъекта неизвестного пола (антропология Г.П.Зиневич), в центральном горизонте — кость таза; в инвентаре крупный сосуд типа Средний Стог 1, украшение из клыка кабана, челюсть собаки, створка раковины *Unio*. Названный, очевидно, сакральный объект подстилало мощное кострище. Планиграфически располагаясь на СЗ окраине основной части погребального пространства кладбища, могила «А» сопровождалась стратиграфико-планиграфически сопряженным с нею скоплением черепов и трубчатых костей 14 индивидов: 5 мужчин 35-45 лет (NN4-6,8,14) и 9 взрослых неизвестного пола (NN7,9-13,15,16,16-а); в инвентаре до 200 сосудов типа Средний Стог 1. Как можно заметить, возможны два варианта интерпретации парциальных комплексов могилы «А» и ее окружения на Никольском некрополе. Так, во-первых, перед нами, не исключено, ритуально значимое парциальное захоронение взрослого индивида, представленное черепом (головой?) и тазовой костью, чья посткраниальная часть явилась,

посмертно, объектом определенных манипуляций (культовой антропофагии?). Во-вторых, не только захоронение могилы «А», но и ее сопровождение, то есть погребальный комплекс в целом мог явиться общемогильным сакральным объектом, единственным для кладбища. В любом случае, подобный объект оказывается причастен к кругу ритуала «череп и головы», являясь отражением соответствующего культа.

Равным образом в культурно-хронологических рамках развитого (позднего) днепродонецкого неолита Украины (кон. V — 2-я пол. IV тыс. до н.э., по Д.Я.Телегину), отметим захоронения черепов (голов) в могиле V могильника Лысая Гора (Запорожская обл.) (Бодянский 1991: 73-76; рис. 34). Череп (головы) взрослых индивидов неизвестного пола (антропологически не диагностированы) помещены в грунтовую двухъярусную яму V (Д 1,25 м): нижний ярус содержит 18, верхний — 3 черепа (головы), частично, со следами огня. Над основным ярусом черепов, в центре и СВ секторе могилы сосредоточены небольшие скопления кальцинированных костей. обратим особое внимание, что черепа обоих ярусов имеют от 2 до 5 позвонков в анатомическом порядке, что свидетельствует о помещении в погребальный комплекс не собственно черепов, но отрубленных голов. Инвентарный набор включает, преимущественно, украшения: помимо двух пластинок «мариупольского типа» из клыка кабана, при 16 черепах обоих ярусов, *in situ*, у шейных позвонков, располагаются около 1000 бус из раковин *cardium*, сланца и гешира. Классы производственных и промысловых артефактов представлены орудиями из кремня, класс жизнеобеспечения — тремя сосудами типа Средний Стог I; многочисленны эофакты — зубы рыбы вырезуба. Особую культовую функцию выполняла, очевидно, крупная кремневая пластина в охре, сепаратно помещенная на дно могилы. В целом, характеризуя обрядово-ритуальный статус парциального комплекса могильника Лысая Гора, подчеркнем ряд моментов, касающихся его функциональной и социально-идеологической значимости. Так, в социальном аспекте, перед нами, не исключено, коллективное однополое погребение, поскольку, однотипность шейных украшений («амулетов») и одинаковое размещение их свидетельствует, косвенно, как об однополости умерших индивидов, так и, конкретно, их вероятном женском поле. В культовом аспекте, мы имеем, возможно, сакральный объект, связанный с репродуцирующими культурами плодородия и возрождения жизни, что отражено не только формой парциального погребения (и вероятными посмертными манипуляциями культовой антропофагии?), но также расположением комплекса. Действительно, особо показательно планиграфико-стратиграфическое сопряжение могилы V с соседними, размещенными в ряд, могилами I-III, вклю-

чившими исключительно детские захоронения возраста I-го детства (коронки молочных зубов). Таким образом, перед нами небольшое детско-женское кладбище, являвшееся, в целом, быть может, определенным сакральным объектом, поскольку, согласно традиционным воззрениям аборигенных этносов, именно женщины и дети — оптимальные трансляторы плодоносящих сил Природы и Земли-Матери (Мифы и предания папуасов ... 1981; Грачева 1976; Симченко 1963).

В северной зоне европейской территории страны, в культурно-хронологических рамках развитого (позднего) каргопольского неолита (III тыс. до н.э., по С.В.Ошибкиной), отметим своеобразный объект — инсталляцию черепа (собственно, головы) с поселения на р.Модлоне (Волгоградская обл., 2380 ± 130 лет до н.э., по С-14) (Брюсов 1951: 45; рис.14; Ошибкина 1978: 117,127). Близ жилища N4, одного из двух исследованных на приозерном свайном поселении, инсталлирован череп (изначально — голова?) молодой женщины (антропология М.М.Герасимова), насаженный на деревянный кол, частично сохранившийся внутри черепной коробки (Герасимов 1955: 336-345; рис.137). Представляется очевидной сакральная функция подобного оригинального объекта, столь явственно причастного к культуре «черепа и головы». В то же время, находка изолированного черепа близ названной инстанции, а так же спорадически встречаемые фрагменты черепов, позволяют предполагать отнюдь не единичность подобного объекта на территории лесного поселка рыбаков и охотников. В то же время, присутствие костей посткраниальных костяков человека, часто в комплексе с костями диких животных косвенно свидетельствуют о вероятности существования не только культовой, но так же бытовой антропофагии (по А.Я.Брюсову), не исключено стимулируемой враждебными контактами с соседними коллективами (М.Х.).

Наконец, в культурно-хронологических рамках восточносибирского (прибайкальского) раннего металла назовем погребение черепа (головы?) из единичного глазковского местонахождения на Средней Ангаре Подострожное — «Кирпичный сарай» (I-я пол. II (рубеж III?) тыс. до н.э.) (Окладников 1975: 54,55; табл.52, 53, 2,3). На прибрежной террасе располагалось погребение N1, представленное массивной овальной плитняковой кладкой (2,2 x 1,2 x 0,25 м), ориентированное, традиционно, «по реке». В СВ конце могильной камеры совершенно парциальное погребение — череп (голова?) взрослого субъекта неизвестного пола (антропологическая диагностика отсутствует) помещена четко на место головы гипотетического костяка) по А.П.Окладникову). Череп стоит на основании и окружен внутримогильной каменной кладкой. Состав инвентарного набора (в описании автора раскопок) имеет разночтения: либо исключительно украшения головного убо-

ра (медные пластинки и перламутровые бусины, до 18 экз., в глубине глазниц), либо, помимо украшений, производственно-промысловый артефакт (не пластинки, но фрагменты медного ножа). Как бы то ни было, перед нами «единственный в своем роде на территории Сибири» погребальный комплекс, являющийся ярким образцом культа «черепа и головы» (по А.П.Окладникову). Отсутствие полового определения препятствует определению прижизненного статуса умершего индивида в плане культовой, либо общественной престижности, обусловившей неординарность погребального ритуала.

В заключении краткого обзора показательных примеров парциальных комплексов I вида, остановимся на относительно поздней культурно-стадиальной аналогии рассмотренным архаичным объектам — погребению (собственно, инсталляции) кургана 2«А» андроновского могильника Сухое озеро 1 (Южная Сибирь, Средний Енисей, сер. II тыс. до н.э.) (Максименков 1978: 18; табл. IX). На ограниченном пространстве курганного кладбища располагались два погребальных объекта, как стратиграфико-планиграфически, так и структурно-функционально связанные между собой. Центральной являлась каменная погребальная камера-циста с парным разнополым (традиционно андроновским), безынвентарным комплексом (нарушен); в 1 м к В располагалась плитняковая округлая куполообразная конструкция (Д 1,2 м), перекрывавшая треугольник из вертикально поставленных плит. В центре треугольной конструкции — инсталляция черепа (головы?) взрослого субъекта неизвестного пола, помещенного на основание (антропологическое определение отсутствует). Как можно заметить, возможны два варианта интерпретации оригинального погребального комплекса в целом. Во-первых, предполагаем, что парциальное погребение не имело самодавяющей культовой функции, но являлось сопровождающим сакральным объектом относительно центрального погребального комплекса. Во-вторых, можно рассматривать инсталляцию черепа (головы) в качестве структуроформирующего объекта комплекса в целом, где, напротив, парное погребение выступает как сопровождающее. Отметим, что в первом случае мы имеем доминирование социального импульса, во втором — культурного импульса как стимуляторов формирования двухчленного погребального комплекса в целом. В то же время, планиграфически центральная позиция парного комплекса заставляет, очевидно, склониться к первому интерпретационному варианту.

В целом, обобщая обрядово-ритуальные параметры парциальных погребальных комплексов I вида — захоронение (инсталляция) черепа (головы) умершего индивида, отметим следующие моменты. Так, в структурном аспекте, мы сталкиваемся с погребальной ингумацией, либо с наземной инсталляцией, причем, пос-

ледня более ритуально репрезентативна. Далее, в обрядовом аспекте, мы видим либо одиночные, сепаратные комплексы, либо — единственные в рамках кладбища, что, косвенно, свидетельствует о престижном статусе подобных объектов. Наконец, прямая, антропологическая, либо косвенная, археологическая диагностика пола субъекта парциального комплекса свидетельствует о явном преобладании женского компонента. Не исключено, что подобное обстоятельство обусловлено сложной системой причинно-следственной ритуальной взаимосвязи акта парциального погребения (инсталляции) с кругом репродуцирующих культов плодородия и обусловленных ими ритуалов культовой антропофагии, где именно женщина являлась предпочтительным объектом сакрального действия (Мифы и предания папуасов ... 1978: 619-621). Таким образом, перед нами культово-идеологически мотивированная поведенческая схема (погребальный ритуал), предполагающая соответствующую систему пред- и постпогребальных акций.

Обращаясь к парциальным комплексам II вида, представленным посткраниальным костяком (обезглавленным торсом), вновь отметим погребальный объект на верхнепалеолитической стоянке Сунгирь (Владимирская обл., бассейн р.Клязьмы), представленный посткраниумом женщины (?) (по О.Н.Бадеру) — Сунгирь 6 (Бадер 1973; рис.1-3; Сунгирь ... 1984: 8,13; рис. 1; Палеолит СССР 1984: 234). Названный посткраниум помещен в верхний ярус могилы N2, на 0,65 м выше основного, двойного детского (?) погребения N2-3, с исключительно обильным и своеобразным инвентарем (Бадер 1978: глава 6; 1984: 6-12; рис. 1-3). Комплекс в целом располагается, очевидно, на месте центрального очага жилища N1. Крайне неудовлетворительно сохранившийся посткраниум, в позе вытянуто на спине, с ориентировкой ЮЮЗ сопровождается инвентарным набором из артефактов производственно и промыслового классов, а также класса украшений, чья функциональная направленность, косвенно, подтверждает женский пол индивида (по О.Н.Бадеру): таковы мотыга-клевец из бивня мамонта, скребок и наконечник из кремня, костяные трубочки-пронизи и перстень, 130 бус из бивня мамонта и 23 подвески из клыков песца; среди экофактов — чашевидная раковина («черпак») и два рога северного оленя. Согласно предположению автора раскопок, О.Н.Бадеру, названный посткраниум Сунгирь 6 из могилу N2 является первичным актом парциального погребения женщины (?), чей череп (голова), Сунгирь 5, была, в результате второго акта захоронения, помещена в верхний ярус могилы N1. В целом, своеобразие рассмотренного парциального комплекса Сунгирь 6 связано, как видно, со сложной процедурой погребальных актов в могилах N1 и N2, что, при вероятном женском поле индивида, чей

посткраниум и череп рассредоточены по верхним ярусам обоих комплексов, влечет некоторые предположения о прижизненном статусе умершей. Действительно, женщина, подвергшаяся ритуалу парциального захоронения, могла быть как женой, так и матерью мужчины из могилы N1 и, соответственно, как мать, так и бабушкой мальчика 13 лет из могилы N2 (по принадлежности обоих к кроманьонскому типу, в отличие от девочки (?) 7-10 лет из той же могилы, имеющей признаки неандерталоидности) (антропология Г.Ф.Дебеца, Г.В.Лебединской, Т.С.Сурниной). Наконец, примечательно, что комплекс NN2-3 — N6 из могилы N2 имеет и иные структурные соответствия относительно комплекса N1-5 из могилы N1, близко соседящего с ним: оба объекта, возможно, ритуально маркируют факт прекращения жизнедеятельности в рамках жилищ N1 и N2. Весьма симптоматично также размещение комплекса NN2-3 — N6 с детско-женским захоронением на месте центрального очага, поскольку, согласно представлениям аборигенных этносов, в частности, палеосибирских, именно очаг является зоной контакта «мира живых» и «мира мертвых» (Грачева 1976: 57,64,65).

Далее, в рамках прибайкальского раннепалеолитического китойского культурно-территориального комплекса отметим погребение N3 II-го участка могильника Циклодром (Локомотив) (Верхняя Ангара, VI-V тыс., по С-14) (Окладников 1974: 42; табл.9-12). В грунтовой могильной яме совершено парной разнополое, одноактное захоронение: мужчина без головы (череп), в позе вытянуто на спине, ориентировка на З, и женщина, в аналогичной позе, с антирезной ориентировкой на В. В инвентарном наборе при посткраниуме мужчины артефакты культового и производственно-промыслового классов: серия костяных скульптурок Рыб, вкладышевые кинжалы (костяная основа с вставками-микролитами), гарпун и рыболовный крючок, Нефритовый нож, кремневые наконечники стрел и прочее. В инвентарном наборе при полном костяке женщины артефакты классов украшения-«амулеты», оснастка и производственно-промыслового: поделки из клыка кабана, костяные бусы, костяные игольник с иглами, вкладышевый кинжал; экофакты-«амулеты» представлены подвесками из зубов бобра и оленя-марала. В целом, перед нами несомненно престижный парный разнополоый комплекс, где ведущая позиция мужчины, как и второстепенная позиция «сопровождающей» женщины, подчеркнуты как фактом ритуального (?) обезглавливания, так и характером инвентаря. Не исключено, что прижизненный статус мужчины-доминанта был связан со сферой культа, где моменты промысловой (рыболовческой) магии (?) играли первенствующую роль. Показательна единичность подобного комплекса в рамках обширного китойского кладбища могильника Циклодром

ром, где парные разнополюсные комплексы представлены комплектными костяками, что, косвенно, свидетельствует об обрядово-ритуальной неординарности комплекса N3 с парциальным погребением основного, структуроформирующего субъекта.

Равным образом, в китайском могильнике Циклодром (Локомотив) обратим внимание на ряд обрядово-ритуально своеобразных погребений III участка (раскопки Иркутского Университета 1980-х гг.), представленных серией групповых, разнополюсных (в том числе, детско-взрослых) комплексов рядового характера. Комплексы включают 3-8 индивидов, всего — 29 взрослых разнополюсных субъектов и 5 детей (антропология Н.Н.Мамоновой), причем, у большинства взрослых черепа (собственно, головы?) отсутствуют (Безалиевский и др. 1982). Инвентарные наборы представлены функционально ограниченной серией артефактов: костяными вкладышевыми орудиями (оружием) и острями; кремневые наконечники стрел в области таза и позвончика некоторых индивидов, очевидно, не входят в собственно инвентарь, но свидетельствуют о преднамеренном акте насильственной смерти. В целом, перед нами погребальные комплексы, оставленные, очевидно, ячейками семейного типа, практиковавшими своеобразные нормы погребального ритуала, связанные как с культом «черепа и головы» так и моментами ритуального убийства (? М.Х.).

Наконец, назовем еще один китайский памятник, забайкальский Фофановский могильник (устье р.Селенги), где одна из семи могил кладбища содержала погребение 7 индивидов, 6 из которых лишены черепов (собственно, голов) (Герасимов, Черных 1975: 26,29; рис.1,3,4-7). В грунтовой могиле N7 совершено групповое, детско-взрослое, одноактное погребение двух разнополюсных взрослых, юноши и четырех разнополюсных детей (антропология М.М.Герасимова). Позы скорченно на спине (единственный полный костяк мальчика — на левом боку); ориентировки антитезны: субъекты мужского пола — на В, женского — на З. В восточном секторе могильной камеры размещены мужчина около 45 лет, юноша около 17 лет и мальчик 8-10 лет (единственный комплектный костяк). В западном секторе, соответственно, положены женщина 30 лет, девочки 14 и 10 лет и «младенец» (девочка? М.Х.) 2 лет. На костях погребенных следы охры; позвонки отрубленных голов примыкают к стенкам ямы. В инвентаре лишь 4 халцедоновые пластины, тогда как костяной наконечник стрелы (?) в тазовой кости мужчины, очевидно, не входит в собственно инвентарь, но свидетельствует о насильственной смерти (ритуальное убийство?). В целом, мы видим обрядово-ритуально оригинальный комплекс, где процедуре отсечения головы на предмет посмертной сакрализации (?) были подвергнуты все объекты, за исключением младшего маль-

чика. Очевидно, перед нами одна из социально-семейных ведущих ячеек коллектива, представленная семьей мужчины-доминанта (в полном составе? М.Х.), захороненная, заметим, в единственном совместном комплексе в рамках исследованного небольшого, детско-мужского китайского кладбища.

Далее, в культурно-стадиальных рамках развитого (позднего) днепро-днепровского неолита, отметим парциальный комплекс II вида из могильника Левобережные Вовниги (Вовниги 1) (Украина, Запорожская обл., днепро-днепровская культурно-историческая общность, кон. V — 1-я пол. IV тыс. до н.э.) (Рудинский 1956; Телегин 1991: 72; рис. 33). В основании могильной грунтовой ямы подчетыреугольного абриса (около 3x2 м), на гл. 1,73 м, помещено погребение N31 — посткраниальный костяк мужчины 25-35 лет (антропология Т.С.Кондукторовой), в позе вытянуто на спине, ориентировка ЮЮВ; в инвентаре фрагмент кремневой ножевидной пластинки. Судя по состоянию шейных позвонков, возможно не отсечение головы, но изъятие черепа (однако, строгая комплектность костяка позволяет, скорее, склониться к первому предположению). В целом, как можно заметить, помещение в основание могилы подобного захоронения могло явиться ритуальным актом, маркирующим начало формирования коллективной, включавшей, совокупно, более 30 индивидов, в том числе, 4-5 детей. Возможно, субъект парциального комплекса имел при жизни высокий статус общественного лидера коллектива, сосредоточившего своих умерших в одной из трех (?) крупных коллективных могил кладбища (прочие нарушены).

Наконец, в качестве примеров относительно поздней культурно-стадиальной аналогии, назовем парциальные комплексы II вида из андроновских, алакульских памятников Южного Зауралья. Так, в могильнике Ушкатты 1 (Оренбургская обл., сер. II тыс. до н.э.) (Кузьмина 1964: 121,123; рис.1: 2,5), в могиле округлой каменной ограды N24 совершено двухъярусное погребение посткраниальных костяков двух взрослых индивидов (антропологическая диагностика отсутствует). В основании, на гл. 0,94 м, помещен костяк без черепа (головы?), скорченно на левом боку; в инвентаре бронзовые бусы у шейных позвонков и вокруг щиколоток ног. В верхнем ярусе, на гл. 0,86 м, непосредственно над нижним костяком — костяк без черепа (головы?), в аналогичной позе; под костями торса и нижних конечностей — мелкие кости человека (принадлежность неизвестна). В инвентаре фрагменты двух сосудов, крупного и малого, оба с «ковровым» узором, каменная овальная подвеска, бронзовые браслет и бусы, у шейных позвонков. В целом, мы имеем двойной, стратифицированный, одноактный (?) комплекс, где оба посткраниума принадлежали, судя по наборам типичных женских укра-

шений (по В.С.Сорокину) — женщинам. Недифференцированный характер керамического комплекса, включившего однотипно орнаментированную керамику, косвенно подтверждает женский пол основного погребенного индивида, являвшегося, заметим, структуроформирующим субъектом захоронения в целом, судя по основной стратиграфической позиции и объемному инвентарю. Названный парциальный комплекс — единственный по своему ритуалу среди 10 исследованных курганов и оград могильника Кшкатты 1, содержащего, в целом, погребения 15 взрослых обоюбого пола, а также детей.

В том же насыщенном андроновскими памятниками Домбаровском районе Восточного Оренбуржья назовем парциальный комплекс II вида из могильника Атакен-сай (Кузьмина 1964: 127). В могиле округлой каменной ограды N6 совершено двухъярусное погребение посткраниальных костяков трех взрослых индивидов (антропологических данных нет). В основании помещен костяк без черепа (головы?), скорченно на левом боку; в инвентаре исключительно украшения: бронзовые нашивные бляшки на одежду, пластинчатые наручные браслеты и ножные браслеты из бус, а также бусы из аргиллита. В верхнем ярусе два костяка без черепов (голов?) (нарушены); инвентарь отсутствует, но скелеты присыпаны охрой, угольками и светлым суглинком. Как можно заметить, структуроформирующим субъектом комплекса в целом вновь является, очевидно, основная погребенная женщина, в обильных украшениях традиционного типа, сопровождаемая двумя безынвентарными субъектами явно второстепенного статуса. Особую ритуальную неординарность данному парциальному комплексу придает как его многочисленный состав так и единичность среди исследованных 8 курганов и оград могильника Атакен-сай, содержащих, в целом, 10 взрослых разнополых индивидов и детей.

В целом, резюмируя обрядово-ритуальные признаки парциальных погребальных комплексов II вида — захоронение посткраниального костяка умершего индивида, отметим ряд ведущих аспектов. Так, в структурном аспекте, обратим внимание на присутствие исключительно ингумационных захоронений, тогда как инсталляции — не обнаружены. Далее, в обрядовом аспекте, примечательно абсолютное преобладание типа совместных захоронений, имеются как парные так и групповые комплексы, причем, обряд совместного погребения, зачастую сочетается с архаичным ритуалом ярусности. Наконец, в культурном аспекте, можно предположить, что не столько погребяемые посткраниумы, сколько оставляемые вне захоронения изолированные черепа (головы) являлись объектом посмертной сакрализации. В то же время, акт погребения посткраниума мог ассоциироваться как с идеей «закладной жертвы», так и ритуально маркировать начало форми-

рования совокупного погребального комплекса кладбища в целом. В этой связи, обратим внимание на разнополость субъектов, представленных посткраниальными костяками парциальных захоронений; равным образом, весьма протяженна и шкала возрастов, включающая, в частности, индивидов I и II детства. В этом плане, отметим женский пол индивидов из сунгирьского и андроновских парциальных комплексов, что связано, не исключено, с определенными матригенными тенденциями в области социально-идеологических структур.

Обобщая данные нашего краткого обзора, отметим, что моменты обрядово-ритуального плана, присущие парциальным комплексам как I, так и II видов, требуют анализа как часть кардинальной культурологической проблемы, связанной с социально-идеологической мотивацией ингумационного погребального акта. Обратим внимание, в этой связи, что сама форма подземной изоляции умершего индивида явилась, в историко-культурной ретроспекции эпохи палеолита, очевидно, изначально актом экстраординарного характера; крайняя немногочисленность палеолитических комплексов, косвенно свидетельствует об этом (Палеолит СССР 1984). По-видимому, лишь конкретные индивиды в определенной культурно-сакральной либо социально-бытовой ситуации повергались ингумированию, тогда как прочие — оставались «на поверхности», вне захоронения (Бадер 1967: 143). Подобный ритуал имеет поздние реминисценции, причем, очевидно, глобального масштаба, широко фиксируемые современной этнологией для аборигенных этносов разнообразной географической локализации и стадийного уровня. Так, африканские со (Уганда) погребают лишь «знатных» лиц, поскольку акт захоронения, автоматически, связан в возведении в престижный ранг «предка»; прочих умерших оставляют в буше, в позе сидя, под деревом (Традиционные и синкретические религии Африки 1986: 109). Равным образом, сибирские нганасаны (п-ов Таймыр), один из наиболее культурно-генетически архаичных этносов Земли, практиковали традиционный ритуал «оставления» умерших на поверхности тундры (в том числе, в позе сидя), что, в частности, коррелируется с идеей неприкосновенности Земли-Матери как живого и сакрального существа (Грачева 1983: 111,112). В этой связи, обратим особое внимание на вероятную корреляционную связь ритуала ингумации с комплексом космологических представлений о Матерях Природы (Долгих 1968; Грачева 1983: 21-51), восходящих, не исключено, к верхнепалеолитической архаике (Хлобыстина 1987: 16-47,92-99). Действительно, можно предположить, что ритуалы типа «отдачи доли» Земле-Матери, реализуемые, изначально, в форме закапывания живых существ, формирование акта ингумации, первоначально, лишь спорадического. Подоб-

ные «жертвы Земле», восходящие к кругу репродуцирующих культов плодородия глубокой древности, широко известны в ритуалах аборигенных этносов, в частности, африканских, трансформируясь по мере социально-экономической эволюции (Традиционные и синкретические религии Африки 1986: 165,169,202,205,213,240). В свою очередь, ритуал парциального погребения, равным образом, очевидно, восходит к кругу культов плодородящих сил Природы, генетически базирующихся, в культурно-исторической ретроспекции, на том же всеобъемлющем комплексе представлений о Матерях Природы, реализуемых как в специфических формах захоронений, так и процедурно связанных с ними манипуляциях культовой антропофагии (Мифы народов мира ... 1987: 619-621; Чеслинг 1961: 125-133; Хомич 1977: 28). Действительно, очевидно, именно процедурами бытовой и базирующейся на ней культовой антропофагии может быть объяснен факт «некомплектности» костяков, наблюдаемый в среднем палеолите (Смирнов 1991). Особо отметим вероятность ритуала культовой антропофагии и для парциальных комплексов I вида. Равным образом, ритуал погребения над-

под очагом, подтверждаемый широким кругом археолого-этнографических примеров, может быть корреляционно связан с реминисценциями ритуала культовой антропофагии и, конкретно, ритуала парциального погребения (верхнепалеолитические Сунгирь NN2-3 — N6 и Костенки 2, мезолитический Тевьек во французской Бретани, традиционная погребальная практика аборигенов Австралии, Сибири (нганасаны) и Европейского Севера (саамы) (Бадер 1984: 1-12; Борисковский 1963; Teviek: Station-pesgorpole ... 1937; Кабо 1969: 50,51; Грачева 1976: 64,65). В то же время, для парциальных комплексов II вида вероятен акт ритуального убийства в культовых целях, фиксируемый исторической этнологией вплоть до эпохи раннегосударственных образований наиболее продвинувшихся в своей социальной эволюции аборигенных этносов (Традиционные и синкретические религии Африки 1986: 201,205). Столь же культурно-исторически протяженен и процесс эволюции ритуала «череп и головы»: от примитивных культов доисторической архаики вплоть до эффектных демонстраций вражеских черепов в ставках вождей варварских племен (Липец 1977: 25256).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексин В.А. 1993. Мустьерские погребения Передней и Средней Азии // КСИА, 209, с.3-9.
- Бадер О.Н. 1967. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь // СА, 3, с.142-159.
- Бадер О.Н. 1973. Вторая палеолитическая могила на Сунгире. (Верхнее погребение) // СА, 3, с.133-145.
- Бадер О.Н. 1978. Сунгирь – верхнепалеолитическая стоянка. М.: "Наука".
- Бадер О.Н. 1984. Палеолитические погребения и палеоантропологические находки на Сунгире // Сунгирь. Антропологическое исследование. М.: "Наука", с.6-13.
- Безалийский В.И., Меньшагин Е.В., Голдберг В.В., Проккопьев В.Н. 1982. Новые данные по китойской культуре // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск: изд-во Иркутского Гос.Ун-та. С.88-89.
- Бодянский А.В. 1961. Лысогорский неолитический могильник // КСИА УССР, II, Киев, "Наукова думка", с.111-121.
- Борисковский П.И. 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона // МИА СССР, No 121.
- Брюсов А.Я. 1951. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА СССР, 20, с.7-76.
- Герасимов М.М. 1955. Восстановление лица по черепу (современный ископаемый человек). М., изд-во АН СССР.
- Герасимов М.М., Черных Е.Н. 1975. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л.: "Наука", с.23-48.
- Герасимова М.М. 1984. Краткое описание черепа Сунгирь 5 // Сунгирь. Антропологическое исследование. М.: "Наука", с. 140-144.
- Грачева Г.Н. 1976. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., "Наука", с.44-66.
- Грачева Г.Н. 1983. Традиционное мировоззрение охотников таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX в.). Л., "Наука".
- Долгих Б.О. 1968. Матриархальные черты в верованиях нганасан // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., "Наука", с. 214-229.
- Кабо В.Р. 1969. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., "Наука".
- Кузьмина Е.Е. 1964. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры. // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., "Наука", с.121-140.
- Липец Р.С. 1977. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.) // Этническая история и фольклор. М., "Наука", с. 217-257.
- Максименков Г.А. 1978. Андроновская культура на Енисее. Л., "Наука".
- Мифы и предания папуасов маринд-аним. 1981. М., "Наука".
- Мифы народов мира. Энциклопедия. 1987.; 1988. I, II; М., Изд-во "Советская энциклопедия".
- Окладников А.П. 1974. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). Новосибирск: "Наука".
- Окладников А.П. 1975. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р.Белой до Усть-Уды). Новосибирск: "Наука".
- Ошибкина С.В. 1978. Неолит Восточного Прионежья. М., "Наука".
- Палеолит СССР. 1984. М.: "Наука".
- Рудинский М.Я. 1956. Перший Вовнизський пізньюнеолітичний могильник // Археологічні пам'ятки України – VI, с.151-161.
- Симченко Ю.Б. 1963. Праздник Аны'о-дялы у авамских нганасан // Труды Ин-та этнографии. и.н.с., 84, с.168-179.
- Смирнов Ю.А. 1991. Мустьерские погребения Евразии. Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М. "Наука".

- Телегин Д.Я. 1991. Неолитические могильники мариупольского типа. Свод археологических источников. Киев: "Наукова думка".
- Токарев С.А. 1986. Религии в истории народов мира. М.: "Наука".
- Традиционные и синкретические религии Африки. 1986. М., "Наука".
- Хлобыстина М.Д. 1987. Говорящие камни. Сибирские мифы и археология. Новосибирск: "Наука".
- Хлобыстина М.Д. 1993. Ритуальные доминанты поселений и могильников Восточной Европы каменного века. // ПАВ, 4, с. 17-24.
- Хомич Л.В. 1977. Религиозные культы у ненцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера. (Вторая половина XIX – начало XX в.). Л., "Наука", с. 5-28.
- Чеслинг У. 1961. Среди кочевников Северной Австралии. М., Изд-во Восточной литературы.
- La Préhistoire Française. 1976. Paris.
- Teviec: Station – necropole megalithique du Morbihan. 1937 // Archives de l'Institut de Paleontologie Humaine – 18. Paris.